

Иванова Мария Васильевна

**ОПТИМИЗАЦИЯ ПРЕДЕЛОВ СУДЕБНОГО УСМОТРЕНИЯ КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ
ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРАВОСУДИЯ**

В статье рассматриваются два направления оптимизации пределов судебного усмотрения: совершенствование законодательной базы и повышение нравственной и правовой культуры представителей судейского корпуса. Автор обосновывает вывод о необходимости формализовать рамки дискреционной деятельности суда. Предлагается комплексное решение проблемы ограничения пределов судебного усмотрения на примере исков о возмещении морального вреда, причиненного в результате преступной деятельности.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/3-2/18.html

Источник

**Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и
искусствоведение. Вопросы теории и практики**

Тамбов: Грамота, 2012. № 3 (17): в 2-х ч. Ч. II. С. 67-71. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/3-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 347.9

В статье рассматриваются два направления оптимизации пределов судебного усмотрения: совершенствование законодательной базы и повышение нравственной и правовой культуры представителей судейского корпуса. Автор обосновывает вывод о необходимости формализовать рамки дискреционной деятельности суда. Предлагается комплексное решение проблемы ограничения пределов судебного усмотрения на примере исков о возмещении морального вреда, причиненного в результате преступной деятельности.

Ключевые слова и фразы: судебное усмотрение; правосудие; ограничение судебной дискреции; конкретизация права; усмотрение судьи при определении суммы компенсации морального вреда; правовая культура судей.

Мария Васильевна Иванова

Кафедра экономики и права

Российский государственный социальный университет (филиал) в г. Мурманске

mas0712@yandex.ru

ОПТИМИЗАЦИЯ ПРЕДЕЛОВ СУДЕБНОГО УСМОТРЕНИЯ КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРАВОСУДИЯ[©]

В условиях происходящих в российском обществе перемен тема свободы в деятельности судебных органов приобрела еще большую, чем раньше, актуальность и значимость. Являясь сложным правовым феноменом, судебное усмотрение может рассматриваться и в качестве условия эффективности правосудия, и как причина судебного произвола одновременно. Именно поэтому принципиально важным является вопрос поиска оптимального баланса между связанностью судебного органа нормативным предписанием и определенно необходимой свободой его деятельности.

По замечанию А. Барака, «главный вопрос состоит не в том, должно ли существовать судейское усмотрение, а в том, где следует обозначить должные пределы этого усмотрения» [3, с. 349].

В юридической науке долгое время идут споры как по поводу понимания дискреционной деятельности суда, так и по поводу ее пределов. При этом диапазон мнений колеблется от апологетики неограниченной свободы усмотрения до призывов к полной формализации усмотренческого процесса. Не вступая в дискуссию по данному вопросу, между тем обозначим свою позицию. Рассматривая судебную дискрецию как часть правоприменения, считаем необходимым говорить о наличии внешних (правовых) пределов такой деятельности. Однако усмотрение во многом зависит от личности правоприменителя, его правосознания и в целом нравственно-психологических аспектов, что, несомненно, приводит к выводу о существовании внутренних (нравственных) пределов принятия усмотренческого решения.

Представляется, что пределы судебной дискреции есть правовые и нравственные границы, устанавливающие допустимую свободу судьи в выборе оптимального варианта решения по конкретному юридическому делу для достижения целей правосудия.

Оптимизация в свою очередь может рассматриваться как процесс приведения системы в наилучшее (оптимальное) состояние, и в этом смысле он направлен на достижение целей правосудия в целом, а также на нахождение баланса между свободой усмотрения и его связанностью формальными предписаниями в частности.

Априори утверждая, что оптимизация пределов дискреционной деятельности суда необходима, выделим два ее направления.

Во-первых, требуется оптимизация внешних пределов усмотрения, поскольку трудно представить эффективное правосудие без усовершенствованной законодательной базы.

Во-вторых, эффективность правосудия связана с повышением нравственной стороны судебной деятельности (оптимизация внутренних пределов дискреции).

Не вызывает сомнения тот факт, что проблемы оптимизации пределов судебной дискреции необходимо рассматривать комплексно. Однобокие меры не приведут к желаемому результату: так, совершенствование законодательства без повышения нравственной и правовой культуры представителей судейского корпуса не даст результатов, и наоборот, в рамках нашей правовой системы «огрехи» нормативных предписаний не позволят правоприменителю принимать справедливые и разумные с точки зрения общества решения.

Интересным представляется суждение проректора Хабаровской духовной семинарии игумена Петра (Еремеев), который, анализируя нравственную составляющую правоприменения, отмечает: «...законы весьма зависимы от нравственного состояния общества. Связано это с тем, что человек, общество имеют свойство мерить законы по себе, приспосабливать их к собственному духовному уровню. То есть хотя в своей основе законы и несут абсолютные ценности, но в своих формулировках, толкованиях и своих применениях они относительны. Если человек и общество не живут высшими ценностями, то, соответственно, опускается и планка законности и права» [6].

Усовершенствование законодательной техники выступает необходимым условием оптимизации внешних пределов. На вооружении у правотворческого органа имеются различные инструменты конкретизации

пределов судебного усмотрения, а также и средства его исключения. Между тем использование «неудачных» приемов законодательной техники ведет к двусмысленному пониманию нормативного предписания, появлению «ненужного» усмотрения и в целом негативно сказывается на процессе правоприменения. В этой связи особое внимание правотворческих органов должно быть приковано к правилам грамматики, пунктуации и синтаксиса. По мнению А. И. Рарога и Ю. В. Грачевой, эффективным средством ограничения судебного усмотрения могут быть только те понятия, которые отвечают ряду требований, а именно «точно и недвусмысленно отражают содержание обозначаемого понятия; употребляются в своем прямом и общеизвестном значении, просты и доступны в понимании...» [10, с. 94].

Объективировать пределы судебной дискреции, сделать их более четкими и определенными законодатель может путем конкретизации правовых норм. Ее необходимость возникает, когда границы усмотрения неопределенны и допускают различное толкование, например в процессе применения большинства оценочных понятий, открытых перечней и т.д.

По определению, данному А. А. Березиным, «конкретизация права представляет собой логическую операцию по уменьшению объема нормы права путем расширения ее содержания за счет особых видовых признаков» [5, с. 128]. Конкретизация правовых предписаний как деятельность уполномоченных государственных органов осуществляется в процессе правотворческой, правоприменительной и правоинтерпретационной деятельности [5].

Безусловно, большая нагрузка лежит на законотворческом органе, поскольку именно он, как автор нормативного правового акта, имеет возможность уточнить свою волю. Так, указав в ст. 188 УК РФ в качестве обязательного признака состава «крупный размер», законодатель раскрывает его смысл в примечании к ст. 169 УК РФ, таким образом, исключив произвольное толкование данной категории.

Однако правотворческий орган не всегда имеет возможность указать четкие критерии отнесения того или иного факта или события к оценочному. В этом случае пределы усмотрения становятся неоправданно широки, что позволяет судье относить к рассматриваемой оценочной категории любые, по его мнению, обладающие схожими признаками обстоятельства. Тем самым, на наш взгляд, нарушается принцип правовой определенности.

Устранить негативные последствия такой ситуации, по мнению Л. Н. Берг, могут нормативные разъяснения высших судов [4].

Вместе с тем правоположения судебной практики навряд ли можно назвать панацеей. В частности, до сих пор не устранены пробелы в порядке определения суммы компенсации морального вреда. Проиллюстрируем проблемы формализации границ судебного усмотрения на примерах рассмотрения указанных исков.

Прежде чем приступить к исследованию этой сложной проблемы, сформулируем принципиальный, на наш взгляд, вопрос, ответ на который определит дальнейшие рассуждения на данную тему: стоит ли формализовать рамки и четко определить критерии определения суммы компенсации морального вреда или всё же только субъективное, личное восприятие судьи может послужить основой справедливого решения?

Порядок взыскания компенсации морального вреда устанавливается статьями 1099-1101 ГК РФ. Что касается размера компенсации, то он определяется судом в зависимости от характера причиненных потерпевшему физических и нравственных страданий, а также степени вины причинителя вреда с учетом требований разумности и справедливости. Очевиден вывод, что основными критериями оценки размера компенсации морального вреда выступают оценочные понятия. В этой связи пределы усмотрения судьи в выборе оптимальной суммы возмещения потерпевшему морального вреда достаточно широки.

Автором в рамках данной проблематики изучены 35 уголовных дел по обвинению лиц в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 и ч. 3 ст. 264 УК РФ, по которым потерпевшими заявлялись иски о компенсации морального вреда. Исследовались приговоры районных судов г. Новосибирска, г. Краснодара и г. Белгорода за 2010-2011 годы путем частичной выборки.

Анализ размера компенсации в зависимости от причиненного ущерба (в данном случае обязательным признаком, входящим в состав преступления по части 1 ст. 264 УК РФ, является тяжкий вред здоровью, а по части 3 указанной статьи – смерть лица) показывает, что за причинение тяжкого вреда здоровью минимальный размер компенсации составил 30 тыс. рублей, максимальный размер – 300 тыс. рублей. За причинение смерти по неосторожности минимальный размер – 200 тыс. рублей, максимальный – 800 тыс. рублей. Таким образом, пределы усмотрения варьируются от 30 до 800 тыс. рублей.

Примечателен тот факт, что из рассмотренных 35 приговоров только в 5 случаях суд соглашался с суммой, заявленной истцом, в других случаях размер признавался завышенным.

Исследование зависимости размера компенсации морального вреда от суммы иска выглядит следующим образом: чем выше сумма заявленных требований, тем больше окончательный размер компенсации, присужденной судом (коэффициент корреляции Пирсона составил 0,9352).

Критерии оценки размера компенсации морального вреда распределились следующим образом (исследуются в том виде, в котором сформулированы в приговорах):

- в 16 приговорах учитывалась степень физических страданий. При этом не все судьи раскрывали, в чем именно были выражены перенесенные страдания потерпевшего;
- в 23 приговорах имелась ссылка на перенесенные нравственные страдания;
- в 13 приговорах упоминался принцип разумности и справедливости;
- 11 приговоров содержали ссылку на материальное положение подсудимого как обстоятельство, снижающее размер компенсации;

- в 7 приговорах учитывалась степень тяжести вреда. На наш взгляд, данная формулировка не совсем корректна, поскольку во всех деяниях, квалифицируемых по ч. 1 ст. 264 УК РФ, обязательным признаком состава является тяжкий вред здоровью. Очевидно, что речь идет не о тяжести вреда, а о количестве телесных повреждений, их влиянии на дальнейшую судьбу потерпевшего (например, ампутация конечности, инвалидность, утрата органа, которые в дальнейшем сделают невозможным ведение нормального, обычного образа жизни и в этой связи причиняют особые физические и нравственные страдания жертве);

- 5 приговоров упоминали степень вины подсудимого как обстоятельство, влияющее на определение размера компенсации морального вреда. В свою очередь, данная формулировка также видится нам не совсем верной, поскольку ст. 264 ч. 1 УК РФ предполагает по отношению к последствиям неосторожность как форму вины. На наш взгляд, более корректным будет выглядеть такая формулировка, как отношение виновного к содеянному (степень его переживаний, раскаяние). Такое состояние вполне может быть определено по поведению подсудимого в судебном заседании, а также во внесудебном поведении (например, добровольное погашение иска, части требований). Из исследуемых приговоров лишь в 1 случае данное обстоятельство повлияло на размер компенсации;

- в 1 приговоре указан возраст потерпевшего как обстоятельство, влияющее на сумму возмещения морального вреда.

Видится, что размер компенсации должен основываться на объеме причиненных нравственных и физических страданий в каждом конкретном случае. Как показывает анализ судебных решений, суды в большинстве случаев не устанавливают, какие страдания перенес потерпевший, в чем они конкретно выразились и не обосновывают определяемый ими размер компенсации морального вреда. Однако даже самый мизерный размер компенсации, очевидно, не является нарушением внешних пределов усмотрения в связи с тем, что таковых границ, по сути, нет.

Приведем в качестве примера мотивировочную часть приговора Прикубанского районного суда г. Краснодара: «Рассматривая гражданский иск потерпевшего, суд руководствуется требованием ст. 250 и 309 УПК РФ и считает, что в результате дорожно-транспортного происшествия, совершенного по вине подсудимого, потерпевшему причинен моральный вред, вызванный нравственными и физическими страданиями, связанными с получением тяжких телесных повреждений. Однако суд, учитывая обстоятельства происшествия, а также принимая во внимание иные заслуживающие внимание обстоятельства, считает подлежащим взысканию с виновного в качестве возмещения причиненного морального вреда суммы в размере 40 000 рублей» (http://krasnodar-prikubansky.krd.sudrf.ru/modules.php?name=bsr&op=show_text&srv_num=1&id=23600411011101741085931000058168).

Исследовав практику районных судов г. Новосибирска, констатируем, что наиболее распространенной суммой компенсации морального вреда, причиненного в результате преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 264 УК РФ, является 100 тыс. руб.

В практике Белгородских судов эта сумма варьируется от 150 до 200 тысяч рублей.

Не можем обойти вниманием некоторые примеры.

По приговору Первомайского районного суда г. Новосибирска в отношении Ш. М. С., осужденного по ч. 1 ст. 264 УК РФ, был удовлетворен иск В. Л. В., которой в результате ДТП был причинен тяжкий вред здоровью по признаку значительной стойкой утраты общей трудоспособности не менее чем на одну треть. При определении размера компенсации вреда суд учел «требования разумности и справедливости в совокупности с характером физических и нравственных страданий потерпевшей» (http://pervomaisky.nsk.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=373). Сумма возмещения морального ущерба (*формулировка приговора – М. И.*) составила 200 000 рублей.

Безусловно, несправедливым на этом фоне выглядит следующее решение судьи Первомайского района г. Новосибирска, в соответствии с которым Н. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 264 УК РФ, в результате которого погиб ребенок. Приведем мотивировку данного приговора относительно определения размера компенсации морального вреда: «При определении размеров компенсации морального вреда суд принимает во внимание степень вины нарушителя и иные заслуживающие внимание обстоятельства. Учитывая, что в результате действий подсудимого Н. потерпевшей Д. были причинены нравственные страдания: она потеряла ребенка, суд приходит к выводу о возможности удовлетворения требований истца в части возмещения морального вреда. Вместе с тем, учитывая степень вины нарушителя, его материальное положение, возраст и трудоспособность, суд считает необходимым взыскать с Н. в пользу Д. 200 000 рублей в возмещение морального вреда» (http://pervomaisky.nsk.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=390). Отметим, что самой потерпевшей был заявлен иск на сумму один миллион рублей, однако судья посчитал эту сумму завышенной. В обоснование своего иска Дубровина ссылалась на перенесенные нравственные страдания в результате гибели ребенка. Заметим, что в мотивировочной части приговора указанные обстоятельства формально нашли свое закрепление. Однако сумма компенсации приводит в недоумение.

Автор исследовала в рамках данной проблематики 25 приговоров районных судов по ч. 1 ст. 264 УК РФ и выяснила, что в 15 случаях сумма компенсации морального вреда составляла также двести тысяч рублей, в 7 случаях превышала указанные пределы (от 250-500 тысяч рублей). Обоснованно возникает вопрос: а справедливо ли вышерассмотренное судебное решение? Что может сравниться с нравственными страданиями матери, потерявшей ребенка?

На настоящий момент отсутствуют хоть сколько-нибудь четкие правила определения суммы компенсации морального вреда, за исключением предписаний закона руководствоваться принципами справедливости, что, безусловно, является проблемой.

Очевидно, что судебное усмотрение не должно быть произвольно основанным лишь на субъективных представлениях судьи (симпатиях, антипатиях к участникам судопроизводства, личном опыте и т.д.). В его основе должны лежать четкие и объективные, законодательно закрепленные критерии оценки, возможно, представленные в виде таблиц.

Например, в качестве обязательных критериев возможно закрепить следующее.

1. Возраст потерпевшего. Чем младше возраст, тем выше сумма компенсации.
2. Время нахождения на стационарном лечении.
3. Влияние причиненного вреда на будущее состояние потерпевшего (на возможность вести полноценную жизнь, учиться, работать и т.д.).
4. Поведение подсудимого после совершения преступления, в судебном заседании. В частности, подлежит учету раскаяние в содеянном, которое может выражаться в помощи, заглаживании вреда и т.д.
5. Степень родства между истцом и погибшим в ДТП.

Одновременно поясним, что мы не ставили перед собой задачу выработать конкретные предложения по определению суммы компенсации морального вреда. Эта проблематика широко разрабатывается в настоящее время специалистами, предлагаются различные методики определения ее размера. Выводы, сделанные по итогам нашего исследования, являются лишь еще одним аргументом в пользу конкретизации пределов судебного усмотрения. Кроме того, очевидно, что данная проблема напрямую связана с оптимизацией внутренних пределов дискреционной деятельности суда.

Эффективность отправления правосудия является одним из ключевых направлений развития судебной системы и напрямую зависит от уровня и зрелости правосознания носителей судебной власти. Вышеизложенное позволяет утверждать, что необходимо не только обновление материального и процессуального законодательства, но требуется и кардинальное «реформирование» правосознания судей как носителей судебной власти [8].

Для определения возможности повышения общего уровня правовой культуры целесообразным представляется: во-первых, выявление нравственных и профессионально-культурных качеств субъекта еще на этапе выдвижения им своей кандидатуры на должность судьи; во-вторых, осуществление последующего периодического контроля за профессиональным поведением в ходе его работы в должности.

Зарубежный опыт развития и функционирования судебных органов показывает, что непреложным условием для кандидата в судьи является отсутствие каких-либо «пятен» на его репутации. К примеру, ст. III конституции США предусматривает, что федеральные судьи состоят в должности, «пока ведут себя безупречно» [1, с. 98], а кандидат на должность судьи во Франции кроме полной дееспособности, гражданства Франции (не менее 5 лет), высшего юридического образования, отсутствия заболеваний, могущих помешать его профессиональной деятельности, должен иметь безупречную репутацию и рекомендацию из правоохранительных органов. Кандидат на судейскую должность в Австрии кроме специального образования и гражданства должен обладать хорошей репутацией, которая неоднократно подвергается проверке при прохождении семи этапов подготовки кандидата к должности судьи [1].

В Российской Федерации требования к кандидату на должность судьи закреплены в статье 4 ФКЗ «О статусе судей в Российской Федерации», которая гласит, что судьей может быть гражданин РФ не моложе 25 лет, имеющий высшее юридическое образование, стаж работы по юридической специальности не менее 5 лет и отсутствие противопоставлений, препятствующих осуществлению судейских обязанностей. Требования более чем скромные. Более того, как показывает практика, нравственная сторона личности кандидата при рассмотрении его кандидатуры на должность судьи остается за рамками изучения и проверки квалификационными коллегиями судей. Показательным является дело бывшего судьи Хостинского районного суда г. Сочи Д. Новикова [9].

Г. Н. Банников, судья Пензенского областного суда, председатель квалификационной коллегии судей области, указывает: «Актуальные задачи повышения качества правосудия и эффективности судебной системы, укрепления независимости судов объективно предъявляют повышенные требования к самим судьям. И даже не только к ним, но и к кандидатам в судьи» [2]. Автором предлагается разработка методических указаний по проведению мероприятий психологического обеспечения профессиональной деятельности судей, которые определили бы порядок и принципы работы специалистов психологической службы. Специалистов психологического сопровождения судей целесообразно включить в штат управлений Судебного департамента в субъектах Федерации для централизованного и оперативного управления их деятельностью. Данная точка зрения представляется нам обоснованной.

Еще более кардинальные меры предлагает М. Клеандров. Ученый считает необходимым принять федеральный закон о проверке кандидата в судьи на наличие порочащих его фактов, по поводу физической и психической пригодности к судейской должности и на предмет черт характера, которые несовместимы с должностью [7].

Способом повышения качества правосудия в целом может рассматриваться совершенствование образовательной системы первичной подготовки, переподготовки и повышения квалификации судей путем упора не только на получение профессиональных знаний, но и на аксиологическую, антикоррупционную составляющую.

Вполне определенно можно сказать, что проблема оптимизации пределов судебного усмотрения требует комплексного подхода. Только в единстве грамотной правотворческой политики и повышения нравственного, профессионального уровня каждого отдельного судьи мы вправе рассчитывать, что такой правовой инструмент, как дискреция, станет эффективным и полезным.

Список литературы

1. **Абросимова Е. Б.** Суд в системе разделения властей: российская модель: конституционно-теоретические аспекты. М.: Статут, 2002. 422 с.
2. **Банников Г. Н.** Психодиагностика кандидатов и психологическое обеспечение деятельности судей [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vkks.ru/second.php?columnValue=5> (дата обращения: 02.04.2011).
3. **Барак А.** Судейское усмотрение / пер. с англ. М.: НОРМА, 1999. 376 с.
4. **Берг Л. Н.** Судебное усмотрение и его пределы: дисс. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2008. 202 с.
5. **Березин А. А.** Пределы правоприменительного усмотрения: дисс. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2007. 200 с.
6. **Игумен Петр (Еремеев).** Фундаментальные нравственные основы правоприменения в Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: http://dpr.ru/pravo/pravo_20_21.htm (дата обращения: 15.05.2011).
7. **Клеандров М.** О совершенствовании механизма отбора кадров в судьи и наделении их судейскими полномочиями // Государство и право. 2005. № 5. С. 86-92.
8. **Мартышкин В. Н.** Правовые и нравственные критерии судебного усмотрения // Право и безопасность. 2009. № 3.
9. **Неделько И.** «Коммерсант» в судейской мантии [Электронный ресурс] // Народная газета Сочи. 2010. 16 октября. URL: http://www.ngsochi.com/index.php?option=com_content&view=article&id=327:-qq-&catid=6:2010-09-28-13-00-56&Itemid=10 (дата обращения: 16.02.2011).
10. **Рарог А. И., Грачева Ю. В.** Законодательная техника как средство ограничения судейского усмотрения // Государство и право. 2002. № 11. С. 93-100.

JUDICIAL DISCRETION LIMITS OPTIMIZATION AS JUSTICE EFFICIENCY IMPROVEMENT FACTOR**Mariya Vasil'evna Ivanova***Department of Economics and Law**Russian State Social University (Branch) in Murmansk**mas0712@yandex.ru*

The author considers two directions of judicial discretion limits optimization: legislative base perfection and judiciary representatives' moral and legal culture rise, substantiates the conclusion about the necessity to formalize the limits of a court discretion activity and suggests the complex solution of the problem of judicial discretion limits restriction by the example of suits about moral harm indemnification caused as the result of criminal activity.

Key words and phrases: judicial discretion; justice; judicial discretion restriction; law specification; judge's discretion in determining compensation amount for moral harm; judges' legal culture.

УДК 34

В статье освещаются межбюджетные отношения региональных и муниципальных органов власти и прежде всего направление бюджетных средств от субъекта РФ муниципальным образованиям и уровень обеспеченности местного самоуправления собственными финансовыми ресурсами. Рассматриваются особенности правового регулирования межбюджетных отношений на современном этапе развития. Приводятся примеры на основе Ульяновской области.

Ключевые слова и фразы: местное самоуправление; межбюджетные отношения; субвенции; дотации; субсидии местным бюджетам; межбюджетные трансферты.

Газинур Илгизович Измайлов*Кафедра социологии и политологии**Ульяновский государственный университет**gazikizmaylov@mail.ru***ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ МЕЖБЮДЖЕТНЫХ ОТНОШЕНИЙ
НА РЕГИОНАЛЬНОМ И МУНИЦИПАЛЬНОМ УРОВНЯХ[©]**

Предметом данного исследования являются межбюджетные отношения региональных и муниципальных органов власти, и прежде всего направление бюджетных средств от субъекта РФ муниципальным образованиям и уровень обеспеченности местного самоуправления собственными финансовыми ресурсами.

Целью данной работы является исследование проблемы правового регулирования межбюджетных отношений на региональном и муниципальном уровнях.

Межбюджетные отношения рассматриваются с точки зрения перераспределения финансовых средств между различными уровнями государственного и местного бюджета, показано, что важность этого процесса требует особого правового регулирования.